

УДК 82.161.1:82.091

«ТИХИЙ ДОН» М.А.ШОЛОХОВА И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ БАТАЛИСТИКИ

Екатерина Анатольевна Авдеева

аспирант кафедры литературы и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628400, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2. ekat.avdeeva@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы древнерусской батальной традиции в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон», ставится вопрос об актуальности данного направления исследований, отмечен ряд сходжений проблемно-тематического и поэтического характера, выделены полемические к древнерусской традиции тенденции.

Ключевые слова: Шолохов; преемственность; баталистика; древнерусская литература.

Исследование древнерусских мотивов в творчестве М.А.Шолохова имеет сравнительно недавнюю историю. В 1980 г. к постановке вопроса обратился П.В.Бекедин, который отметил «осложненный характер» связи Шолохова с древнерусской литературой [Бекедин 1980: 92], имея в виду восприятие этой связи через фольклор, соотношенность мотивов древней русской литературы и фольклора в тексте эпопеи, опосредованность влияния мотивов, тем, идей, некоторых особенностей поэтики древнерусской литературы через весь массив художественной традиции. Отметив причины неизученности проблемы, П.В.Бекедин обратил внимание на проблемно-тематические ценности «Тихого Дона»: патриотизм писателя, его трепетное отношение к вольнолюбивым и жертвенным поступкам земляков, поэтическую традицию изображения Великого Дона, героические и трагические события революции, положенные в основу эпопеи и близкие по духу произведениям русского Средневековья, «Слову о полку Игореве» в частности. Однако, кроме примет общности трагедийного начала «Донских рассказов», «Тихого Дона» и «Слова о полку...», других конкретных сопоставлений исследователем не было сделано. Последующие исследователи темы также сосредоточили внимание на выявлении близости трагического начала в романе Шолохова и в древнерусских произведениях. В меньшей степени затрагивались иные грани преемственности. Так, А.М.Минакова отмечала «органическую переименность» [Минакова 1980: 47] функций героического по отношению к воинской повести, однако, в чем именно заключается эта преемственность, не указывала; А.А.Дырдин рассматривал проблему

в связи с трактовкой понятия «Правда» [Дырдин 1996: 33-43], В.В.Кожин – в связи с разработкой концепции противостояния «Божеского и сатанинского» [Кожин 2007: 60-77]. Вне поля зрения исследователей остался чрезвычайно важный аспект восприятия М.А.Шолоховым опыта древнерусской литературы – его воинская составляющая. Не претендуя на полноту исследования, остановимся на анализе проблемы древнерусской традиции в «Тихом Доне» – преемственности батальной традиции.

Исторические описания и баталистика в древнерусской литературе неразрывно связаны. Баталистика не существует сама по себе вне связи с историей, историософскими концепциями. Войны, с точки зрения средневековых авторов, есть часть земной жизни: они повторяемы, обладают некоторыми общими чертами, однако батальные описания не являются самоцелью, они – важная событийная часть истории Мира. В эпопее Шолохова множество сцен сражений, походов, вооруженных столкновений, особенно в третьей и четвертой книгах: Первая мировая война, Гражданская война, Верхне-Донское восстание. Однако в «Тихом Доне» не война является центром и целью повествования, как это свойственно отдельным произведениям литературы Нового времени, но история казачества, история не обособленная, а вписанная в общероссийскую.

Рассказывая о рождении замысла романа, М.А.Шолохов признавался: «Начал я писать роман в 1925 году <...>. Привлекала задача показать казачество в революции. Начал с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Что это за казаки? Что это за область Войска Донского? Не выглядит ли она для читателя не-

коей terra incognita?.. Поэтому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе» [цит. по: Якименко 1977: 73–74]. С изменением масштаба замысла изменилась и писательская задача Шолохова. Он так же, как когда-то русские летописцы при составлении сводов, соотносит напряженное время Верхне-Донского восстания с другими пространственно-временными координатами. Подсознательно ориентируясь на древнерусскую традицию, художник использует не «предысторию» от Сотворения Мира или становления Руси, а ненавязчиво вписывает в повествование о событиях начала XX в. то живых свидетелей Турецкой и Кавказской кампаний предыдущего столетия, то воспоминания казаков о вольнице, о договоре с Екатериной, о восстаниях Пугачева и Разина, то через упрощенные рассказы Штокмана говорит о единстве казака и крестьянина. Шолохов вводит в хронотоп романа и недавнее прошлое, как и прежде, в сопоставлении с событиями уже минувшими, – участие казаков в разгоне бунтов в революцию 1905 г. и знаки опричнины. Упоминая об исторической и культурной связи Области Войска Донского со всем российским государством, писатель поднимает повествование на иной, более глобальный уровень. Для того чтобы создать художественно цельный мир, автору эпопеи потребовалось определить место казачества как особого сословия в истории России, причины кризиса казачьего мировоззрения, вписать все войны в историю государства и отдельного народа.

Шолохов также опирается на опосредованно воспринятую традицию древнерусской баталистики в разделении войн на несколько типов в соответствии со сложившейся к XIII в. «моральной концепцией войны» [Лихачев 1987: 3, 303], в использовании различных поэтических средств в их изображении. Опирается, но использует ее совершенно по-своему. В «Тихом Доне» мы не найдем в чистом виде ни одного из трех типов войны, встречающихся в древнерусской литературе, – захватнической, оборонительной или междоусобной, хотя и захват чужой территории, и оборона своих границ, и новый тип междоусобицы – гражданская война – в романе присутствуют. Первая Мировая война, например, вызывает у героев эпопеи двойные чувства. Внешний враг пересек границу Российской империи и угрожает ее территориям, следовательно необходимо защищать веру, царя и Отечество, исполняя свой воинский долг по принципам справедливого гнева, моральной правоты защищающегося.

А.А.Дырдин отмечал: «В первой и второй частях шолоховского произведения неоднократно звучат слова донского гимна: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон». Регу-

лярность повторения песенных строк, а также библеизмов, затрагивающих тему священной войны, позволяет увидеть в них нечто большее, чем обычные этнографические подробности. Они превращаются в своеобразный повествовательный императив «Тихого Дона», что объяснимо характером воссоздаваемых событий. Для большинства населения России война 1914-1918 гг. была духовно-оборонительной, отечественной» [Дырдин 1996: 35]. Это рассуждение, на наш взгляд, нуждается в небольшом уточнении. Исторически для большинства населения, в том числе и казачества, действительно, эта война была второй отечественной. Однако обращение к тексту романа показывает, что герои Шолохова наряду с патриотическими настроениями испытывают и иные чувства, связанные с необходимостью обеспечения жизненных потребностей. Осознание необходимости защиты родной земли, общность негодования по отношению к противнику, которые неизменно возникали в произведениях древнерусской литературы при описании войн данного типа, как бы растворяются в многообразии забот человека-труженика. Вспомним, как в «Слове о разорении Рязани Батыем» говорится о гибели войска Юрия Игоревича: «Ту убиен бысть благовѣрный князь великии Георгий Игоревич <...> и многая князи мѣсныя, и воеводы крѣпкия, и воинство – удалцы и резвцы резанския. Все равно умроша и едину чашу смертнующую пища. Ни един от них возвратися вспять, все вкупе мертвыи лежаша» [Библиотека... 5].

В «Тихом Доне» проявления высокого духа, объединяющего защитников родной земли, возникают наряду с другими настроениями. Весть о мобилизации воспринимается некоторыми казаками Татарского (особенно теми, кто уже «поноухал пороху») с волнением, тревогой, скрытой надеждой на отмену «сполоха», они думают и об оставленных любимых, и о необходимости мирных житейских занятий, уборке хлеба прежде всего. Среди гомона толпы Петро Мелехов слышит ободряющие фразы вроде: «Тю, мил-друг! Супротив нас какая держава на ногах устоит?», «Ну, казачество, держися!», но звучат и иные суждения: «Нам до них дела нету. Они пушай воюют, а у нас хлеба не убратые!», «Ишо б годок погодить им, вышел бы я из третьей очереди», «Как зачнут народ крошить – и до дедов доберутся» [Шолохов 2: 260–261]. Мало кто из казаков подозревает о масштабе новой бойни. Да, казачий гимн звучит «чаще всего» [там же: 262], но о его частом исполнении упоминается в «Тихом Доне» только до первого боя. Текст гимна оборван на строках «и послушно отозвался на призыв монарха он», что акцентирует внимание читателя на известном конфликте в сознании ка-

зачества между стремлением к свободе и принятыми на себя обязательствами послушного служения царю. Ведь недаром «пьяненький старичок-железнодорожник» посочувствует казакам: «Милая ты моя... говядинка!» [там же: 263].

С началом реальных боевых действий этот конфликт усложняется. С детства в сознании казака укреплялась мысль о неизбежности его участия в войне и необходимости психологической готовности к ней. Так, еще не участвовавший в военных действиях Григорий в письме к родным констатирует: «Как зачнется война, может, и я живой не буду...» [Шолохов 2: 239]. Однако столкновение с реалиями войны рождает в его душе «гнусь и недоумение» [там же: 275], да и не только в его: «...каждый по-своему вынашивал в себе и растил семена, посеянные войной» [там же: 303]. Воспитательная функция войны, формирующая дисциплину, умение подчиняться и руководить, быстрое реагирование в опасной для жизни ситуации, привычку к смертельной опасности, кажется, уходит в тексте романа на второй план, вперед выдвигается ее разрушительная сущность. Даже спустя год после начала военных действий автор о главном герое эпопеи говорит: «Добрый казак ушел на фронт Григорий; не мирясь с бессмыслицей войны, он честно берег свою казачью славу...» [там же 3: 48]. Это удивительно точное замечание в определении природы новой войны – не справедливый гнев руководит людьми, их удерживает забота о сохранении своей воинской чести, той единственной славы, которой может владеть казак. Это смутное ощущение «двоения» правды рождает тоску, заставляет казака все чаще вспоминать о другой стороне своего жизненного предназначения – о созидательном труде земледельца.

Реалии ХХ в. таковы, что участвующие в Мировой войне казаки не могут разобраться в ее сущности. Отсутствие наступления, переход к позиционным боям разлагают казачью дисциплину, заставляют тосковать по движению и работе. Казачество чувствует себя лишним, неспособным реализовать требования новой тактики ведения боя, заключающиеся не в том, чтобы сойтись в открытом бою, а в сидении в окопах. Конница, издревле составлявшая предмет гордости любой армии, оказывается неспособной применить свою силу, неспособной противостоять газовым атакам и авиабомбам. Быстрые перемещения, удаль как особый вид храбрости, символизировавшие собой во времена Древней Руси власть над пространством, утрачивают свое значение в соперничестве с танками и пулеметами. И люди этот процесс осознают. Приведем один из эпизодов, в котором сослуживцы-офицеры спорят о будущих войнах:

«– Глупость! – загорячился Калмыков. – Конь еще послужит армиям. Абсурдная фантазия! Что будет через двести-триста лет, мы не знаем, а сейчас, во всяком случае, конница...»

– Что ты будешь делать, Дмитрий Донской, когда траншеи опояшут фронт? А? Ну-ка, отвечай!

– Прорыв, налет, рейд в глубокий тыл противника – вот работа кавалерии.

– Ерунда.

– Ну там посмотрим, господа» [Шолохов 2: 347].

Этот же подьесаул Калмыков, понимая, что «честные» традиционные методы ведения боя уходят в прошлое, сознается: «Когда мы сегодня шли под огнем, я дрожал от бешенства. Не выношу, когда не вижу противника. Это гадкое чувство равносильно страху. Тебя разят на расстоянии нескольких верст, а ты едешь на коне, как дудак по степи под охотничьим прицелом» [Шолохов 2: 346]. Похожие чувства испытывают и простые казаки.

Гражданская война, в сравнении с междоусобными войнами, изображенными в древнерусской литературе, также становится иной. Если в древнерусских текстах в междоусобицах всегда есть виновная сторона – князь-отступник, то в романе Шолохова такого категоричного разделения на правых и виноватых нет, так как поиск общей правды – задача несравненно более сложная, чем выявление клятвопреступления, становившегося официальным предлогом княжеских войн. В Гражданской войне, изображенной в «Тихом Доне», брат идет на брата, сын на отца. В этом противостоянии невозможно найти как правого, так и виноватого.

Фиксируя реальные события Гражданской войны, автор «Тихого Дона» в максимальной степени стремится к объективности оценок, что является основой художественной целостности произведения. Ему в определенной мере близка ситуация, в которой некогда оказался автор «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (исследователи предполагают, что это был Нестор Искандер). Повествователь, не отделявший своего «я» от турецкого войска, оказывался как будто сторонним наблюдателем, равно оценивая героизм обеих сражающихся сторон; «исторгнутый из христианского мира» [Пауткин 2008: 112–118], он испытывал равную симпатию и к христианам, и к воспитавшим его магометанам. Шолохов же описывает конфликт людей одной национальности, одной культуры, он сам – органичная часть этой культуры, потому до конца принять позицию одной из сторон конфликта писатель не может. В этой связи, как нам кажется, упрощенным выглядит утверждение, что в

«эпическом обобщении классика XX в. Зло олицетворил дерзко смелый образ-тип Штокмана» [Глушков 1996: 28], как, впрочем, не стоит и приписывать Зло исключительно белоказакам. Жестокость сражающихся по разные стороны баррикад изображена на страницах романа необычайно ярко, нередко натуралистично, взаимное сведение счетов лишь увеличивает число жертв. В условиях Гражданской войны, описанной в «Тихом Доне», не действует дренерусская «моральная концепция войны», Добро и Зло смутно различимы, а правда тяжела и трудно достижима. Она – в способности изжить в себе ненависть, пойти на компромисс. А.А.Дырдин справедливо говорит о том, что Шолохов «последовательно приводит своего героя к определенному компромиссу» [Дырдин 1996: 35].

Удивительно созвучным древнерусской традиции оказывается в «Тихом Доне» мотив ответственности человека за мир без войны. Напомним, что набег, внезапное нападение в те времена считались лишь внешней причиной события, а внутренней, сверхреальной, назывались грехи русичей, их вина перед Богом. И половцы, и татары, и немцы воспринимались летописцами не только как заклятые враги русской земли, но как наказание и испытание веры (именно поэтому с врагом, покаявшись, следует бороться). В романе Шолохова Григорий Мелехов тернистым путем приходит к близкой древнерусской литературе, но с акцентами своего времени, мысли о том, что жизнь и поступки каждого человека формируют общую жизнь, направляют ее, и каждый ответствен за существование мира: «Неправильный у жизни ход, и, может быть, я в этом виноватый». Шолоховского человека не наказывает своей волей Провидение, однако, ведя несправедливое с точки зрения общей правды-истины существование, герой понимает, что быть открытым природному и людскому миру уже не может.

Конкретная ситуация усугубляется тем, что в «Тихом Доне» поиск правды происходит в жесточайших условиях Мировой войны, революции и Гражданской войны. Герои Шолохова видят причины народной катастрофы не только в реальных последствиях революционных событий, но и в сверхреальном, обращаясь к Библии, молитвам, предсказаниям и пророчествам:

«– Худому быть, – пророчили старики, слышав с кладбища сычиные выголоски.

– Война пристигнет.

– Перед турецкой кампанией накликал так вот.

– Может, опять холера?

– Добра не жди, с церкви к мертвецам слетает» [Шолохов 2: 241–242].

Эти попытки объяснить вмешательством неких высших сил смещение парадигмы общечеловеческих ценностей, массовую гибель людей, братоубийства возникают в связи с традиционным представлением о воле Провидения. Однако предугадать последствия революции, защититься от смерти, опираясь на известные способы взаимодействия с окружающим миром, герои Шолохова не в состоянии. В Гражданскую войну утрачиваются привычные ориентиры, известная логика и повторяемость событий. Наиболее остро эта утрата ощущается стариками, может, поэтому именно они стремятся заглянуть в будущее и хотя бы в нем найти опору.

Обобщения и повествовательная манера Шолохова говорить об исторически завершеном во многом близки тем обобщениям и наблюдениям, которые приходилось фиксировать и древнерусским летописцам. В эпическом тексте то и дело возникают авторские восклицания, риторические вопросы: «Мало ли таких дней рассорило время по полям недавних и давнишних боев?» [Шолохов 3: 51]. Проникнутые лиризмом строки, в которых звучат тоска и боль по погибшим, близки тем, что обнаруживаются в «Слове о полку Игореве: «Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезъ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося» [Библиотека... 4]. Ср.: «Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и, мертвоглазые, беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать, не доносил восточный ветер до них плача жен и матерей» [Шолохов 2: 352].

Горестное чувство об истлевающих на чужбине казаках проходит рефреном через все описание Первой мировой войны, повторяясь трижды: после молитв от ружья, от боя и при набеге [Шолохов 2: 278], после ухода третьей очереди казаков из Татарского [там же 2: 352] и – наиболее полное и чаще всего цитируемое – по итогам возвращения казаков с фронта осенью 1917 г.: «Многих недосчитывались казаков – растеряли их на полях Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Прикарпатья, Румынии, трупами легли они и истлели под орудийную панихиду, и теперь позаросли бурьяном высокие холмы братских могил, придавило их дождями, позамело сыпучим снегом. И сколько ни будут простоволосые казачки выбегать на проулки и глядеть изпод ладоней – не дожидаться милых сердцу! Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться слез – не замыть тоски! Сколько ни

голосить в дни годовщины и поминок – не донесет восточный ветер их до Галиции и Восточной Пруссии, до осевших холмиков братских могил!..» [там же 3: 195]. И если в первых двух случаях Шолоховым употреблялись глаголы несовершенного вида «ложились», «истлевали», то в последнем из рефренов – совершенного вида: «легли», «истлели». Чем не троекратный рефрен из «Слова о полку Игореве»: «О русская земля! Уже за шеломянем еси!»?

На близость этих рефренов к тексту древнерусского литературного памятника указывает и постоянное обращение к стихии ветра, который должен бы донести голос и тоску осиротевших Ярославен новой войны. Но племя донских казаков «далече залетело» [Библиотека... 4], и мертвые не слышат боли живых. И одно лекарство видит Шолохов – время: «Травой зарастают могилы – давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших – время залижет и кровяную боль, и память о тех, кто не дождался и не дожидется, потому что коротка человеческая жизнь и немного всем нам суждено истоптать травы» [Шолохов 3: 195]).

Жизнь и смерть не противопоставлены друг другу, не являются антитезой, а взаимодействуют. В «Тихом Доне» нет сцен, где бы мертвое не соседствовало с живым: то в выстроенный походным порядком строй ворвется жеребенок, то перед атакой Григорий «успевает осторожно ссадить выползшую на рукав его гимнастерки рябую божью коровку» [Шолохов 3: 48]. Жизнь в романе – ценность, единственное, чем владеет всякий человек, она изменчива, непредсказуема: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате, мельчает настолько, что видно поганенькую россыпь, – завтра она идет полноводная, богатая...» [там же: 362], и смерть – неотъемлемая часть ее.

Опосредованная связь баталистики «Тихого Дона» и установок древнерусской литературы не носят характера чистого наследования, это ско-

рее диалог, вторжение новых реалий жизни в веками устоявшуюся традицию, изменения, которые неизбежно происходят в связи с изменениями мировоззрения. Однако и в древнерусской литературе, и в «Тихом Доне» остаются неизменными наиболее общие понятия, категории жизни, человека, мирного тяжелого труда как универсальные и неизменные духовно-нравственные ценности.

Список литературы

Бекедин П.В. Древнерусские мотивы в «Тихом Доне» М.А.Шолохова (К постановке вопроса) // Русская литература. 1980. № 2. С. 92–98.

Библиотека литературы Древней Руси: В 12 т. / под ред. Д.С.Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997–2003. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10025> (дата обращения 15.05.2010).

Глушков Н.И. Вторая Отечественная война русских казаков // Войны России XX века в изображении М.А.Шолохова. Шолоховские чтения. Ростов н/Д, 1996. С. 11–24.

Дырдин А.А. «Поднявший меч бранный от меча да погибнет. Истинно» («Тихий Дон», кн. 3, гл. XLVI) // Войны России XX века в изображении М.А.Шолохова. Указ. соч. С. 33–43.

Кожин В.В. «Тихий Дон» М.А.Шолохова // Шолоховский вестник №2.: сб. ст., материалов и документов. Сургут: Диорит, 2007. С. 60–78.

Лихачев Д.С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 298–321.

Минакова А.М. Преемственность в художественном мире М.А.Шолохова // Традиции и новаторство в художественной литературе. Горький, 1980. С. 46–54.

Пауткин А.А. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Литература Московской и домосковской Руси / отв. ред. А.С.Демин. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 112–118.

Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1956–1960.

Якименко Л. Творчество М.А.Шолохова. М.: Советский писатель, 1977. 680 с.

“THE SILENT DON” BY M.A. SHOLOKHOV AND OLD-RUSSIAN TRADITION OF PAINTING BATTLE SCENES

Yekaterina A. Avdeyeva

**Post-graduate Student of Literature and Journalism Department
Surgut State Teachers Training University**

The article is devoted to the Old-Russian tradition of painting battle scenes in the novel *The Silent Don* by M.A. Sholokhov. The issue about the urgency of research of this theme is regarded in the article. Some problem-thematic and poetical convergences are considered, controversial points in the aspect of the Old-Russian tradition are marked out.

Key-words: Sholokhov; continuity; Painting battle scenes; Old-Russian literature.